

ГБУК НСО
«Новосибирская областная юношеская библиотека»

От Шемякина суда до генералов песчаных карьер

Путешествие по просторам антикоррупционной классики и далее

ББК 83.3(2Рос)+67.401

О-800

Составитель:

Ковалёва О.В.

Технический редактор:

Доценко А.В.

Ответственный за выпуск:

Терентьева Т.Н.

О-800 От Шемякина суда до генералов песчаных карьер: путешествие по просторам антикоррупционной классики и далее / ГБУК НСО НОЮБ; сост. О.В. Ковалёва. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2020. – 33 с.

Взяточничество во все времена осуждалось и моралью, и религией, и правом. В русской культуре (как в фольклоре, так и в художественных произведениях) тема взяточничества имеет множество выражений. Многие известные литературные творения русских классиков посвящены данному негативному явлению.

Предложенный материал может быть использован для проведения литературной панорамы «Коррупция глазами писателей», дискуссионного часа «Исцеляющая классика?», беседы-обсуждения, выставки-обзора «Коррупция в классическом исполнении», а также на уроках литературы, клубных занятиях и т.д.

ББК 83.3(2Рос)+67.401

© Новосибирская областная юношеская библиотека, 2020

Коррупция издревле существует как во всем мире, так и в России. Она всегда была и является предметом пристального изучения представителей различных областей знания, которые пытаются предложить свой путь избавления от данного явления общественной жизни. Самое большое внимание уделяется взяточничеству. Польский писатель и журналист Габриэль Лауб (1928–1998) выразил внутреннее содержание «лучшей» части человечества следующим афоризмом: «Порядочный человек берет взятку в одном единственном случае, когда представляется случай». Хотя люди знают, что взяточничество карается законом, его все же нельзя изжить. Это какая-то часть человеческого естества.

Взяточничество во все времена осуждалось и моралью, и религией, и правом. В русской культуре (как в фольклоре, так и в художественных произведениях) тема взяточничества имеет множество выражений. Многие известные литературные творения русских классиков посвящены данному негативному явлению.

Обратившись к источникам, можно проанализировать, как развивалась тема коррупции в русской художественной литературе, начиная с древних времен и до наших дней. Опора на художественные образы, созданные русскими писателями, будет способствовать становлению устойчивой позиции по предупреждению коррупционных проявлений, формированию у подростков правового самосознания. Потому что, как писал Николай Алексеевич Некрасов, «в любых обстоятельствах, во что бы то ни стало, но литература не должна ни на шаг отступать от своей главной цели — возвысить общество до идеала — идеала добра, света и истины».

Предложенный материал может быть использован для проведения литературной панорамы «Коррупция глазами писателей», дискуссионного часа «Исцеляющая классика?», беседы-обсуждения, выставки-обзора «Коррупция в классическом исполнении», а также на уроках литературы, клубных занятиях и т.д.

От Шемякина суда до генералов песчаных карьер

Путешествие по просторам антикоррупционной классики и далее

«Коррупция – самое большое зло, потому
что это разрушение духовности человека»
Андрей Дементьев, поэт.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова дается такое определение термина «коррупция»: «Коррупция — это моральное разложение должностных лиц и политиков, выраженное в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами».

Коррупция является серьезной проблемой России, а преступления коррупционной направленности наносят серьезный ущерб государству.

Русская литература всегда была зеркалом, отражающим явления общественной жизни. Российское мздоимство обессмертили в своих произведениях такие русские писатели, как А.П. Чехов, Н.В. Гоголь, М.Е.Салтыков-Щедрин, И.И. Лажечников, А.В. Сухово-Кобылин и многие другие.

Проанализировав их произведения, можно проследить не только историю своеобразной эволюции коррупции в обществе (от мелких взяток до крупных махинаций), но и историю развития отношения к ней.

Многие литературные герои открыто обличают коррупционеров. Единственным возможным методом борьбы с коррупцией является своеобразный пересмотр моральных ценностей общества. Ведь корень всех зол не только в произволе чиновников, но и в нравственной позиции обычных граждан, которые преподносят эти взятки. Люди, обвиняя чиновничество, забывают, что именно они и являются катализатором всех процессов в обществе, как положительных, так и отрицательных. Поэтому исправлять проблему можно только сплотившись, как сказал Л.Н. Толстой: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое».

Обращаясь к древнейшим летописям, можно увидеть примеры отношения иностранных купцов и послов к нашим людям. В «Истории гамбургской епархии» автор называл Киев соперником Константинополя и украшением христианского мира. Он описывал Киев как город, где жители ведут себя нравственно и не нарушают десяти заповедей – даже язычники там не воруют и не грабят.

Книга Ламберта Херсфельда(1077) «Анналы» содержит много положительных строк и мнений о Руси. Если верить этой книге, русские считаются людьми глубоко порядочными, их слово надежно, а доверенные им товары и золото они никогда не присвоят. В этом, говорится, отличие русских земель от земель скандинавских язычников и жителей Юга.

Задокументированным свидетельством отношения древних славян к законам чести и чувству справедливости может служить мирный договор между Олегом и

Константином, византийским императором – «Договор русских с греками». В нем российская сторона выступала за выгодный мир между обеими сторонами, в котором обе получают определенные привилегии независимости от того византиец ли на русской земле или русский на византийской – закон в любой ситуации был одинаков для всех и наказание было соразмерно преступлению.

Чуть позже славяне дополнили договор пунктом, заключавшемся в защите товара иностранца, если в случае стихийного бедствия или иной напасти его корабль был разбит на территории Руси. По этому пункту русские обязывались защищать все товары и перевезти за свой счет обратно в пункт отправления или, в случае невозможности этого, переправить груз в ближайший порт, чтобы хозяин мог распоряжаться им уже по-своему.

Все эти свидетельства служат доказательством тому, что честность русских была признана многими государствами, и купцы были рады вести с ними дело. Что уж тут говорить: русские торговцы долгое время вели дела безо всяких письменных договоров. Они были уверены в честности обеих сторон, что для западных людей было неожиданностью, ведь они привыкли видеть фальшивь и преступные помыслы в глазах других купцов и не ограничивались подписанием договоров, но еще и брали что-то в залог.

Конечно, глупо было бы заявить, что на Руси не было коррупции. Она была и, как и в любой другой стране, начала зарождаться вместе с приходом государственности. Но нельзя отрицать тот факт, что все-таки масштаб взяток и мздоимства в нашей стране был на порядок ниже, чем в какой-либо европейской.

И все же в русском фольклоре с незапамятных времен живет убежденность в несправедливом и продажном суде.

«Повесть о Шемякином суде» – произведение демократической литературы XVII века, представляющее собой русскую сатирическую переработку сказочного сюжета о мудрых решениях, сохранившемся во многих русских рукописях XVII и XVIII веков, русских народных сказках, а в конце XVIII и начале XIX века получившее литературную обработку, сделанную Ф. Задубским, А. Осиповым (или А. Олениным), П. Свиньиным. Повесть посвящена обличению судопроизводства. В ней сатирически изображается судья Шемяка, взяточник и крючкотвор, который в свою пользу толкует государственные законы. Содержание повести сводится к следующему: жили два брата – богатый и бедный. Богатый ссужал много лет бедного, но не мог поправить скучости его. Как-то бедняк попросил у брата лошадь, чтобы привезти из лесу дров. Богатый лошадь дал, но не дал хомута. Бедняк привязал дровни к хвосту лошади, но, въезжая во двор, лошадь зацепилась за ворота и оторвала себе хвост. Богатый увидел искалеченную лошадь, взял брата и отправился в город жаловаться судье Шемяке.

По дороге братья заночевали в доме попа. Бедняк, лежа на полатях, с завистью смотрел, как брат его ужинает с попом, упал на колыбель, в которой спал поповский сын, и задавил его насмерть. Теперь к судье отправились двое истцов – богатый брат и поп. В городе им пришлось идти через мост. Бедняк в отчаянии решил расстаться с

жизнью, бросился с моста в ров, но неудачно. Он упал на старика, которого везли мыться в баню, и раздавил его. К судье явились уже три истца.

Бедняк, не ведая, как ему быть, взял камень, завернул его в платок и положил в шапку. При разборе каждого дела он исподтишка показывал судье узелок с камнем. Шемяка, рассчитывая, что ответчик сулит ему «узел золота», во всех трех случаях решил дело в его пользу. Но когда его посыльный спросил у бедняка, что у него в шапке, тот ответил, что в узле у него был завернут камень, которым он хотел убить судью. Узнав об этом, судья не осерчал, а обрадовался: ведь, если бы он осудил бедняка, тот бы его убил. В нелепом положении оказываются богатый крестьянин, наказанный за свою жадность, поп, а особенно судья Шемяка. Взяв со всех троих истцов деньги, благодаря своей хитрости, бедняк остается в этом споре победителем.

С тех пор выражение «шемякин суд» стало нарицательным. Оно означает «неправедный, несправедливый суд».

Из более чем 30 тысяч русских пословиц и поговорок, собранных Владимиром Ивановичем Далем (1801-1872), более 100 посвящены лихоимству, причем практически все они выражают лояльное отношение народа к взятке, что обусловлено отношением к ней как к российской традиции: «Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода (или судья) принос», «Перед судом все равны: все без окупа (выкупа) виноваты», «Быть было беде, да случились деньги при бедре», «Эта вина стоит полведра вина», «Пчелка и та взятку берет», «Не подмажешь – не поедешь» и множество других.

Нашли эти пословицы отражение и в художественной литературе, например, в произведениях И.А. Козлова «Жизнь в борьбе»: «Ты, Ванюшка, это на ус мотай, – подморгнул мне брат. – С начальством нужно в ладу жить. Не подмажешь, как говорится, не поедешь»; Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб»: «Где это показано, чтобы с попов взятки-то брали?» – «Ах, ты какой!.. – удивился писарь. – Да ежели разобраться правильно, так все мы у батюшки-то царя воры и взяточники. Правду надо говорить... Пчела, и та взятку берет»; Г.Е. Рыклина «Старый хрыч»: «Мы ему деликатно подсунем подарочек. Это пахнет взяткой. Даже пчелы и те взятки берут».

Отмеченные В.И. Далем виды взятки также нашли отражение в литературных произведениях. Например, слово «бакшиш» имеет татарские корни и означает взятку, деньги на чай, на водку, т.е., вообще говоря, небольшая такая взяточка. А.Н. Толстой в романе «Петр Первый» пишет: «Удалось мне повернуть дело – великий визирь хоть завтра подпишет мир... Бакшиш надо дать кое-кому». «Хабар» – взятка для получения барыша, наживы. М. Горький так использует в произведении «Лето» это слово: «Расскажи, вор, нам, миру, – рубит солдат, – сколько ляпинскому управляющему хабары дал, когда аренду перебил у нас?». «Магарыч» – угощенье при сделках и продажах (обычно с выпивкой). В стоимостном выражении магарыч больше бакшиша. Вот литературный пример: «Торговал ты хорошо, барыши у тебя большие. Вот за это магарыч с тебя, веди в трактир, угощай чаем!» (А.Н. Островский «Пучина»).

В XVIII веке, в эпоху «фаворитизма», коррупция расцвела как никогда, и ее масштабы достигли невиданного размаха. Передовые умы того времени, русские писатели, занимающие честную гражданскую позицию, не могли молчать. Практически ни один русский писатель не обходит эту тему стороной. Так, писатель, поэт и драматург Яков Борисович Княжнин (1742-1791) в стихотворной поэме словами одного из персонажей говорил:

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что можно только взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать?

«— Вот, жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу бесспорочно... По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату (т.е. отдают под суд) ...

— Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен (плата, взимавшаяся при обмене или размене одних денег на другие) берешь со всех, а с ним не делишься».

Подслушавший этот разговор герой радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», написанного в 1780-х годах, поутру узнает, что в одной избе с ним ночевал присяжный с женою.

«А что мне прибыли, что я служу бесспорочно...» — «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева (1749-1802) воспринималось современниками как приговор режиму, основанному на мздоимстве.

Другой выдающийся человек той эпохи, поэт и политический деятель Гаврила Романович Державин (1743-1816), вполне осознавая значимость своего поэтического дарования, главным делом своей жизни считал именно государственную службу. Будучи человеком кристально честным, Державин беспощадно боролся со взяточниками. Он был инициатором создания указов: «Об избрании чиновников для службы в империи с нижнего до самого вышнего места», «О судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновников», «О взяточниках»; разработал правила третейского суда, которые могли бы и прекратить взятки и доставить государству «скорое и беспрепятственное правосудие».

Г.Р. Державин в своем стихотворении «Властителям и судьям» пишет:

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять...
Не внимают! Видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса...

Литературную славу Василию Ивановичу Капнисту (1758–1823) принесла написанная в 1794–1798 годах сатирическая комедия «Ябеда». В основе пьесы – реальный судебный процесс, начатый еще матерью Капниста, с другой помещицей, незаконно присвоившей себе одно из ее имений, который длился безрезультатно десятилетия. Механизм судопроизводства тогдашней России представляется в пьесе как бессмысленный и несправедливый. О защите и поиске правды здесь не может быть и речи, повсюду приходится сталкиваться с «гнусностью мздоимства и ябеды». Для группы чиновников подобраны красноречивые имена: Кривосудов, Хватайло, Бульбулькин, Атуев и прочие. Все эти взяточники и мошенники готовы за деньги нагло «крутить» указы в нужную им сторону, умеют такой «закон прибрать», чтобы оправдать виновного и осудить невинного. Беспощадная характеристика происходящему вкладывается в уста второстепенного персонажа – работника суда с не менее красноречивой фамилией – Добров. Пьеса заканчивается благополучно (благодаря вмешательству высшей власти).

Русский поэт-баснописец Иван Иванович Хемницер (1745–1784) в своей сатире «На худых судей», предвосхищая сюжет и мотивы комедии Капниста «Ябеда», бичует взяточничество. При этом добавляет, что правительство бессильно искоренить этот порок, бессильна тут и сатира: «Сатирствуя на него, его тем не исправишь и на хороший путь с худого не направишь». Особенность сатир Хемницера – «На худое состояние службы», «Сатиры на поклоны», «Оды на подъячих», «Сатиры о разуме» – обличение взяточничества в глубоких обобщениях.

В XIX веке, в эпоху правления Николая I, впервые проблема коррупции была поднята на государственный уровень и широко обсуждалась. В частности, Николай Васильевич Гоголь (1809-1852) писал, что «...бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже для таких людей, которые не рождены быть бесчестными». Его бессмертный «Ревизор», выставляет напоказ примеры взяточничества и воровства, рисует широкую картину разложения российского чиновничества. Автор выставил на всеобщее осмеяние не отдельные единичные случаи, а типичные проявления государственного аппарата царской России 30-х годов XIX века. Уездный безымянный городок, который под угрозой ревизии раскрывает подлинную сторону характера главных героев, становится обобщением всего государства.

Глава города — городничий. Это «уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, однако ведет себя очень солидно. Говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало». Купцов «постоем заморил, хоть в петлю полезай».

Впрочем, подобное поведение Антон Антонович допускает только по отношению к мещанам, перед лицами вышестоящими он выступает в роли усердного служаки, благодетеля, подхалима и лизоблюда: «Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин...».

В гоголевском «Ревизоре», написанном в 1836 году, воруют и берут взятки все чиновники. Городничий «пилит» бюджет: «...если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую год назад была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела... А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывши, сдуру скажет, что она и не начиналась».

А кроме того, он возложил дань на купцов. «Такого городничего никогда еще... не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя... Что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, виши ты, ему всего этого мало... придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне»... А в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят... не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что... сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины», — жалуются купцы Хлестакову.

Версия городничего: купцы мошенничают, потому «откат» справедлив: на подряде с казною «надувают» ее на 100 тысяч, поставляя гнилое сукно, а потом жертвуют 20 аршин. «Оправданием» взяточничества ему служит «недостаточность состояния» («казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар») и скромный размер мзды («если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья»).

Городничий берет взятки и не считает это чем-то постыдным или неправильным, наоборот, так повелось, что ж тут плохого. Бывают ошибки в жизни человека, так на то он и человек, чтобы ошибаться, — это, по мнению городничего, высшее предопределение: «...нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уж так самим Богом устроено». Чтобы удержаться подольше в кресле и сделать карьеру, надо все просчеты подать начальству в удобном для него виде, а себе из этого выгоду поиметь.

Для городничего нет ничего нечестного в том, чтобы за взятку освободить кого-то от рекрутчины или чтобы праздновать именины два раза в год. И в том, и в другом случае цель одна — обогащение. Фамилию он носит тоже под стать его внутреннему миру — Сквозник-Дмухановский.

Все чиновники и купцы небольшого городка, куда заявился Хлестаков, несут ему взятки под видом денег взаймы. Первым успевает городничий: «Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул». В итоге собирается внушительная сумма: «Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! За тысячу перевалило...».

Уже после этого подсчета городничий дает еще, а его дочь жалует персидский ковер, чтобы герою было удобнее ехать дальше. Старательно пытаются увернуться от взяток лишь помещики Бобчинский и Добчинский, у этих на двоих нашлось «взаймы» всего 65 рублей. Может, потому что их не в чем было обвинить?

Суд и все юридические процедуры в городе производит судья Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин. Фамилия вполне соответствует отношению судьи к своей службе. В суде он занимает место и положение, которые обеспечивают ему власть в городе. Что касается суда, то там настолько все запутано, пропитано доносами и клеветой, что не стоит заглядывать даже в судебные дела, все равно не разберешь, где правда, где неправда. Ляпкин-Тяпкин «избран судьей по воле дворянства», что позволяет ему не только свободно держаться даже с самим городничим, но и оспаривать его мнение. Судья — самый умный из всех чиновников в городе. За свою жизнь он прочитал пять-шесть книг, поэтому сам себя считает «несколько вольнодумным».

Любимым занятием судьи является охота, которой он уделяет все свободное время. Он не только оправдывает свое взяточничество, но и ставит себя в пример: «Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело». В целом на примере Ляпкина-Тяпкина Гоголь показал типичный образ судьи того времени.

На общем совете чиновники решили навести порядок в городе и дать взятку ревизору. Наведение порядка свелось к показухе: «снятию охотничьего арапника, висевшего в присутствии» и уборке улицы, по которой должен был въехать в город ревизор. Что до взятки, то мнимый ревизор Хлестаков принял ее с радостью. В сущности, Хлестаков такой же мелкий чиновник, только из Петербурга, его взгляды, жизненные принципы ничем не отличаются от взглядов его провинциальных коллег. Он «несколько приглушает и, как говорят, без царя в голове», но умеет пускать пыль в глаза, ловок, увертлив и нахален — типичный представитель чиновничьей касты эпохи Николая I.

В.Г. Белинский, характеризуя комедию Гоголя, сказал, что чиновничество — это «корпорация разных служебных воров и грабителей». Пороки чиновничества не выдуманы автором. Они взяты Гоголем из самой жизни. Известно, что в роли гоголевского почтмейстера выступал сам император Николай I, который прочитывал письма Пушкина к жене. Скандалная история с проворовавшейся комиссией по построению храма Христа Спасителя очень напоминает поступок городничего, присвоившего казенные деньги, выделенные на строительство церкви.

В «Мертвых душах» Н.В. Гоголя есть прекрасное описание карьеры Чичикова в таможне: «...но переносил все герой наш, переносил сильно, терпеливо переносил, и — перешел наконец в службу по таможне. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предмет его помышлений. Он видел, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какие фарфоры и батисты пересыпали кумушкам, тетушкам и сестрам. Не раз давно уже он говорил со вздохом: «Вот бы куда перебраться: и граница близко, и просвещенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» Надобно прибавить, что при этом он подумывал еще об особенном сорте французского мыла,

сообщавшего необыкновенную близину коже и свежесть щекам; как оно называлось, Бог ведает, но, по его предположениям, непременно находилось на границе.

Итак, он давно бы хотел в таможню, но удерживали текущие разные выгоды по строительной комиссии, и он рассуждал справедливо, что таможня, как бы то ни было, все еще не более как журавль в небе, а комиссия уже была синица в руках. Теперь же решился он во что бы то ни стало добраться до таможни, и добрался.

За службу свою принял он с ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба определила ему быть таможенным чиновником. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. В три-четыре недели он уже так набил руку в таможенном деле, что знал решительно все: даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в какой штуке аршин сукна или иной материи; взявши в руку сверток, он мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов. Что же касается до обысков, то здесь, как выражались даже сами товарищи, у него просто было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось с убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности.

И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его наружность, он, не изменяясь ни в лице, ни в вежливых поступках, приговаривал только: «Не угодно ли вам будет немножко побеспокоиться и привстать?» Или: «Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату? Там супруга одного из наших чиновников объяснится с вами». Или: «Позвольте, вот я ножичком немногого распорю подкладку вашей шинели» — и, говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки, хладнокровно, как из собственного сундука.

Даже начальство изъяснилось, что это был черт, а не человек: он отыскивал в колесах, дышлах, лошадиных ушах и невесть в каких местах, куда бы никакому автору не пришло в мысль забраться и куда позволяет забираться только одним таможенным чиновникам. Так что бедный путешественник, переехавший через границу, все еще в продолжение нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу, только крестился да приговаривал: «Ну, ну!»

Положение его весьма походило на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его, с тем чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом. В непродолжительное время не было от него никакого житья контрабандистам. Эта была гроза и отчаяние всего польского жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Он даже не составил себе небольшого капитальца из разных конфискованных товаров и отираемых кое-каких вещиц, не поступающих в казну во избежание лишней переписки.

Такая ревностно-бескорыстная служба не могла не сделаться предметом общего удивления и не дойти наконец до сведения начальства. Он получил чин и повышение

и вслед за тем представил проект изловить всех контрабандистов, прося только средств исполнить его самому. Ему тот же час вручена была команда и неограниченное право производить всякие поиски. Этого только ему и хотелось.

В то время образовалось сильное общество контрабандистов обдуманно-правильным образом; на миллионы сулило выгод дерзкое предприятие. Он давно уже имел сведение о нем и даже отказал подосланным подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получив же в свое распоряжение все, в ту же минуту дал знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Расчет был слишком верен. Тут в один год он мог получить то, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы. Прежде он не хотел вступать ни в какие сношения с ними, потому что был не более как простой пешкой, стало быть, немного получил бы; но теперь... теперь совсем другое дело: он мог предложить какие угодно условия.

Чтобы дело шло беспрепятственней, он склонил и другого чиновника, своего товарища, который не устоял против соблазна, несмотря на то что волосом был сед. Условия были заключены, и общество приступило к действиям. Действия начались блистательно: читатель, без сомнения, слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев. Это происшествие случилось именно тогда, когда Чичиков служил таможне.

Не участвуй он сам в этом предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы привести в исполнение подобного дела. После трех или четырех бараньих походов через границу у обоих чиновников очутилось по четыреста тысяч капиталу. У Чичикова, говорят, даже перевалило и за пятьсот, потому что был побойчее. Бог знает до какой бы громадной цифры не возросли благодатные суммы, если бы какой-то нелегкий зверь не перебежал поперек всему...»

На примере данного отрывка видны изобретательность, изворотливость и холодный расчет, проявление огромной выдержки, которые нацелены на достижение результата – получение в дальнейшем больших взяток и так называемых «откатов».

Ряд произведений русских классиков, обличавших взяточничество и мздоимство многих чиновников, продолжает «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова (1790 или 1795?-1829). Строки из этого бессмертного произведения увековечены в памяти многих поколений, и по сей день какая-либо острая цитата на злобу дня может брать свое начало из этой комедии.

Например, распределение мест и званий. Раболепство, ложь, лесть, подхалимство, взяточничество присущи господам из высшего света. С помощью этих «достоинств» обеспечивалось продвижение по служебной лестнице. Знатное родство также способствовало повышению званий:

При мне служащие чужие очень редки;
Все больше сестрины, свояченицы детки...

Как станешь представлять к крешишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку! (Фамусов)

Главный герой произведения Чацкий так и не смог себя определить в этой бесконечной игре притворства, зависти, чинов и шумных балов Москвы:
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли грабительством богаты?
Зашиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранные
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837) в повести «Дубровский» раскрыл образ человека, чьи моральные принципы позволяют ему давать взятки и верить в собственную безнаказанность. Речь о Троекурове. Он человек избалованный и распущенный, опьяненный сознанием своей силы. Богатство, род, связи – все обеспечивает ему вольготную жизнь. Троекуров проводит время в обжорстве, пьянстве, сластолюбии. Унижение слабых, вроде травли зазевавшегося гостя медведем, – вот его удовольствия.

При всем этом он не прирожденный злодей. Он очень долго дружил с отцом Дубровского. Поссорившись с ним на пасарне, Троекуров мстит другу со всей силой своего самодурства. Он с помощью взяток отсудил у Дубровских имение, довел бывшего друга до умопомешательства и смерти. Но самодур чувствует, что зашел слишком далеко. Сразу после суда он едет мириться с другом. Но опаздывает: отец Дубровский при смерти, а сын прогоняет его вон.

Сын, лишенный состояния, подается в разбойники. Грабит и убивает людей. Сколько было убито, Пушкин не сообщает, пишет лишь, что, когда банду Дубровского окружили 150 солдат, разбойники отстреливались и победили. Коррупция порождает целую цепочку бед.

А.С. Пушкин провел аналогии между чиновничеством и российским дворянством, чьи методы ведения хозяйства также вызывают сомнения. Образом Троекурова он хотел показать, что беда не в самом помещике, а в социальном устройстве русской жизни (крепостное право, всесилие дворян). Оно развивает в непросвещенном дворянине веру в свою безнаказанность и безграничные возможности («В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение»). Даже любовь к детям искажается в Троекурове до предела. Он обожает свою Машу, но делает ее несчастной, выдав за богатого, но нелюбимого ею старика.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1841) в пьесе «Странный человек» замечает: «У барыни же все суды подкуплены нашим же оброком».

В связи с проблемой коррупции нельзя не вспомнить Николая Алексеевича Некрасова (1821-1877/1878) и его стихотворение «Размышления у парадного подъезда».

Привычка к рабскому низкопоклонству «свободных граждан» почти ужасает. Здесь ритуал доведен до абсурда, никого не удивляет такое подобострастие.

Записав свое имя и званье,

Разъезжаются гости домой,

Так глубоко довольны собой,

Что подумаешь - в том их призванье!

Поэт дает волю сатире, он презирает этих «холопов души» и заставляет читателя подивиться заведенному порядку вещей, когда вельможа бесцеремонно пользуется своим высоким положением, принимая низкопоклонство как должное, как «выражение уважения» к нему. Но читателю понятно, что поклоняются mestу, занимаемому человеком, а не его достоинству и уму. Этот человек — владелец чужих судеб, именно от него зависит, какой посетитель выйдет напевая, а кто в слезах. Простых крестьян-ходоков и вовсе не допускают до «высокой» особы, ведь вельможа «не любит оборванной черни», очевидно, оскорбляющей его «эстетическое чувство». Но больше всего поэта возмущает даже не само пренебрежение к людям, а их реакция на происходящее.

И пошли они, солнцем палимы,

Повторяя: «суди его Бог!»,

Разводя безнадежно руками,

И, покуда я видеть их мог,

С непокрытыми шли головами...

Покорность и всепрощение недопустимы. Некрасов возмущен долготерпением народа. Поэт выступает добровольным защитником «бесправных» и «бессловесных». Призывает вельможу одуматься, приняться за свои обязанности — служить народу и государству, но... «счастливые глухи к добру».

В 1850 году русский писатель Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817-1903) был обвинен в убийстве своей любовницы Луизы Симон-Деманш. Хотя обвинение не было доказано, Сухово-Кобылин в течение семи лет находился под следствием, и все это время ему пришлось заниматься бесплодной тяжбой, в ходе которой он близко столкнулся с худшими проявлениями российской судебной системы: взяточничеством, вымогательством, бюрократией.

В историю литературы Сухово-Кобылин вошел как автор драматической трилогии, получившей после ее завершения название «Картины прошедшего» и состоящей из сатирических комедий «Свадьба Кречинского» (1854), «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869). Все три пьесы объединяет тема бесчеловечного судебного и чиновничьего произвола, которая в последней части трилогии приобретает гротескно-фантастические черты.

Каждая из пьес драматурга является собой новую жанровую систему: «Свадьба Кречинского» — сатирическая комедия; «Дело» — сатирическая драма; «Смерть Тарелкина» — сатирический фарс, гротескный и фантасмагорический. Это — первая в русской драматургии пьеса, где объектом сатирического обличения стала главная опора государства — полиция, где изображены картины полицейского произвола и полного бесправия перед ним лиц всех сословий и званий. «Дело» и «Смерть Тарелкина» долго не допускались на сцену, и полный текст этих пьес прозвучал с подмостков театра только после 1917 года.

Есть литературные свидетельства того, что с изданием в 1845 году «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», где получение вознаграждения за действие без нарушений «обязанности службы» считалось мздоимством, с нарушениями — лихоимством, практически ничего не поменялось. Хотя взятку нельзя было брать ни через родственников, ни через знакомых. Преступлением было даже выраженное согласие принять взятку до самого факта передачи. Взяткой могли признать получение выгоды в завуалированной форме — в виде карточного проигрыша или покупки товара по заниженной цене.

Чиновники не могли заключать никакие сделки с лицами, бравшими подряды от того ведомства, где они служат. Наказание за мздоимство было относительно мягким: денежное взыскание с отстранением от должности или без. Вымогателя же могли отправить в острог на срок от пяти до шести лет, лишить всех «особенных прав и преимуществ», то есть почетных титулов, дворянства, чинов, знаков отличия, права поступать на службу, записываться в гильдии и пр. При наличии отягчающих обстоятельств вымогателю грозила каторга от шести до восьми лет и лишение всех прав и состояния.

В романе Алексея Феофилактовича Писемского (1821-1881) «Люди сороковых годов», опубликованном в 1869-м, со взяточничеством сталкивается главный герой Павел Вихров — молодой помещик, сосланный служить «в одну из губерний» за свои вольнодумные сочинения.

Вихров обнаруживает, что коррупцией пронизаны все взаимоотношения подданных с государством. Его первое дело — поймать с поличным и усмирить раскольников-поповцев. Едет в отдаленную деревню он вдвоем со «стяпчим государственных имуществ».

Вихров был бы рад не найти следов того, что поповцы молились не по православному обряду, ибо считает преследование по принципу вероисповедания неправильным, но у него есть свидетель. Тот, однако, тоже не прочь составить бумагу об отсутствии нарушений: он содрал с главного «совратителя крестьян в раскол» 10 рублей золотом для себя и столько же для Вихрова, но, поскольку тот взяток не берет, все оставил себе.

Следующее дело — «об убийстве крестьянином Ермолаевым жены своей» — секретарь уездного суда называет делом «о скоропостижно умершей жене крестьянина Ермолаева», ведь доказательств убийства нет. Эксгумация тела

Вихровым показывает, что у «умершей» проломлены череп и грудь, наполовину оторвано одно ухо, повреждены легкие и сердце. Исправник же, который вел следствие, признаков насильственной смерти не заметил: Ермолаева откупил за 1000 рублей богатый мужик, за которого тот взялся отслужить в армии.

Когда Вихров едет еще по одному делу, крестьяне собирают ему на взятку 100 рублей. Вихров не только их не берет, но и требует расписку в том, что не взял. Она ему пригодится, ведь честный человек неудобен — его попытаются выставить взяточником.

По контексту понятно, что эти события происходят в 1848 году, то есть после принятия уложения.

В русской литературе иногда возникает образ честного чиновника. Например, это Алексашка Рыжов, квартальный уездного города Солигалича Костромской губернии — герой рассказа Николая Семеновича Лескова (1831-1895) «Однодум» из цикла «Праведники». «Казенного жалованья по этой четвертой в государстве должности полагалось всего десять рублей ассигнациями в месяц, то есть около двух рублей восьмидесяти пяти копеек по нынешнему счету». (Речь идет о более давних временах — Рыжов родился еще при Екатерине II.) Квартальническое место, хоть и не очень высокое, «было, однако, довольно выгодно, если только человек, его занимающий, хорошо умел стащить с каждого воза полено дров, пару бураков или кочан капусты». Но квартальный ведет себя по местным меркам странно и числится «поврежденным».

В его задачи входит «блести вес верный и меру полную и утрясенную» на базаре, где его мать торговала пирогами, но мать он посадил не на лучшее место и отверг приношения «капустных баб», пришедших на поклон. Не является Рыжов с поздравлениями к именитым горожанам — потому что ему не на что обмундироваться, хотя у прежнего квартального видели «и мундир с воротом, и ретузы, и сапоги с кисточкой».

Мать похоронил скромно, даже молитву не заказал. Не принял подарков ни от городничих — два мешка картофеля, ни от протопопицы — две манишки собственного рукоделия. Начальство пытается его женить, потому что «из женатого... хоть веревку вей, он все стерпит, потому что он птенцов заведет, да и бабу пожалеет». Алексашка женится, но не меняется: когда жена взяла у откупщика соли на кадку груздей, жену побил, а грузди отдал откупщику.

Однажды в город жалует новый губернатор и расспрашивает местных чиновников о Рыжове, который теперь «и. о. городничего»: умерен ли насчет взяток? Городской голова сообщает, что живет тот только на жалованье. По мнению губернатора, «такого человека во всей России нет». На встрече с самим городничим Рыжов не лакеистует, даже дерзит. На замечание, что у него «очень странные поступки», отвечает: «всякому то кажется странно, что самому не свойственно», признается, что не уважает власти — потому что они «ленивы, алчны и пред престолом криводушны», сообщает, что не боится ареста: «В остроге сытей едят». И

вдобавок предлагает губернатору самому научиться жить на 10 рублей в месяц. Губернатору это импонирует, и он не только не наказывает Рыжова, но и совершаet невозможное: его стараниями Рыжову присваивается «дарующий дворянство владимирский крест — первый владимирский крест, пожалованный квартальному».

В сатирической форме Н.С. Лесков показывает, что в современном ему обществе честность и порядочность является не нормой, а исключением.

В повести Н. Лескова «Смех и горе», опубликованной в 1871 году, действие происходит в 1860-е: главный герой живет на выкупные свидетельства — процентные бумаги, выпущенные в ходе реформы 1861 года. У него находят запрещенный текст «Думы» Рылеева, и герою грозит арест. Навязчивый знакомый берется от этого отмазать: «... не хочешь ли, я тебе достану свидетельство, что ты во второй половине беременности? ...С моего брата на перевязочном пункте в Крыму сорок рублей взяли, чтобы контузию ему на полную пенсию приписать, когда его и комар не кусал... Возьмись за самое легкое, за так называемое «казначейское средство»: притворись сумасшедшим, напусти на себя маленькую меланхолию, говори вздор... Согласен? ...И сто рублей дать тоже согласен?»

Герой готов и на триста, но столько нельзя: это «испортит» цены в Петербурге, где за триста «на родной матери перевенчают и в том тебе документ дадут». В результате герой попадает в родную провинцию, где включается в земскую жизнь. Один из проектов — построить в каждом селе школу. Дело благородное, однако строить хотят за счет мужиков и их руками, но неволить их теперь нельзя, а сами мужики пользы учения не понимают. Дело идет тугу. И тут оказывается, что есть в губернии один администратор, у которого все в порядке. Он, «честный и неподкупный человек», «школами взятки брал». «Жалуется общество на помещика или соседей», а он, прежде чем вникать в дело, просит школу построить и тогда приходить. Взяточничество воспринимается как норма, мужики покорно «дают взятку», и у него «буквально весь участок обстроен школами».

В реальной жизни под расследования подпадало 5-6% чиновников, однако до обвинений дело доходило весьма редко, а высшие чины и под следствием оказывались в единичных случаях. Видимо, над этим иронизирует Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826-1889) в сатирических очерках «Помпадуры и помпадурши» (1863-1874 годы): «Известно, что в конце пятидесятых годов воздвигнуто было на взяточников очень сильное гонение. С понятием о «взяточничестве» сопрягалось тогда представление о какой-то язве, которая якобы разъедает русское чиновничество и служит немалой помехой в деле народного преуспеяния. Казалось, что ежели уничтожить взятку... то вдруг потекут реки молока и меда, а к ним на придачу водворится и правда».

Результат «гонений», однако, был обратным: общество «от копеечной взятки прямо переходит к тысячной, десятитысячной», границы взятки «получили совсем другие очертания», она «окончательно умерла, и на ее место народился «куш»». По мнению Салтыкова-Щедрина, коррупционер удобен властям: «ради возможности

стянуть лишнюю копеечку» взяточник «готов ужиться с какою угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно Бога».

С именем М.Е. Салтыкова-Щедрина обычно ассоциируется словосочетание «дать барашка в бумажке», поскольку встречается в его сатирах очень часто: «Письма к тетеньке», «Сатира в прозе» (...Возможно ли теперь все порядки нарушать? Чтоб купец исправника в морду бил, а исправник ему за это барашка в бумажке сулил?), «Благонамеренные речи» (...То ли дело прежние порядки! Придешь, бывало, к секретарю, сунешь ему барашка в бумажке: плети, не торопись!), «Господа Головлевы» (...На расходы я тебе две двадцатипятирублевеньких отпущу. Знаю ведь я, все знаю! И там сунуть придется, и в другом месте барашка в бумажке подарить). Благодаря столь частому использованию писателем этого выражения, оно обрело популярность, стало крылатым. Но не сатирик его автор, ибо это, по его же словам, «очень древнее выражение, нечто вроде пещерной конституции».

Использует это крылатое выражение А.И. Куприн, в частности в своем рассказе «С улицы»: «Не знаю уж, какой чудоворец пропихнул меня в гимназию, в приготовительный класс. Думаю, что не обошлось здесь без барашка в бумажке, — сунули, должно быть, кому следует».

Почти документальное свидетельство того, что у всех категорий взяточников побочные, так сказать, доходы сильно перекрывали основные, — статья Н. Лескова «Несколько слов о полицейских врачах в России» 1860 года. В ней автор уверяет, что официальный годовой доход врача — 200 рублей, но «таинственная рука, питающая городовых и уездных врачей, есть взятка», и «ни торговле, ни промышленности, по штату, не положено процветать». В городе с 75 тысячами жителей у двух городовых врачей семь статей постоянных доходов: «1) 4 житных базара по 40 рундуков, по 3 руб. с рундуком, — всего 480 руб. серебра 2) 6 кондитерских, по 50 руб. с каждой — 300 руб. 3) 40 булочных, по 10 руб. с каждой — 400 руб. 4) Две ярмарки огулом 2000 руб. 5) 300 лавок и магазинов со съестными припасами и виноградными винами, по 10 руб... — 3000 руб. серебром. 6) 60 мясных лавок, по 25 руб. с каждой, — 1500 руб. и 7) ...общий доход со всех женщин, обративших непотребство в ремесло... около 5000 руб. серебром в год.

Таким образом, весь текущий годовой побор будет равняться 12 680 руб. серебром... а за отчислением 20 процентов в пользу влиятельных лиц медицинской и гражданской части... составит чистого дохода 9510 руб., то есть по 4255 руб. на брата. Эти доходы достаются только за невмешательство... все экстренные взятки... тоже составляют значительную цифру... Такие доходы суть: акты осмотров, составляющие чувствительную статью в стране, где много праздников, проводимых в пьянстве и драках, судебно-медицинские вскрытия, привоз несвежих и подозрительных продуктов, перегон скота и, наконец, рекрутские наборы, когда таковые случаются на слезы человечества и на радость городовых и уездных врачей...».

В пьесе Александра Николаевича Островского (1823-1886) «Гроза» герои наделены мнением о коррупции, что она безобидна и даже в своем роде «полезна».

Об этих пороках и говорит Кулигин в своем монологе, из которого узнаем, что город населен мещанами, чиновниками и купцами. Что в мещанстве нельзя увидеть ничего, кроме «грубости да бедности нагольной».

Причина этой бедности тоже названа Кулигиным, который также относится к мещанскому сословию: «И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше наущного хлеба». Кулигин осознает горькую истину: «у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать».

Кулигин, ссылаясь на местного городничего, рассказывает о том, как Савел Прокофьевич Дикой, дядюшка Бориса, рассчитывает мужиков: постоянно недодает им копейки. Позиция Дикого проста и понятна: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, у меня из этого тысячи составляются, так оно; мне и хорошо!». Выгода – это то, что заставляет Дикого, как и других купцов Калинова, обманывать, обсчитывать, недовешивать – таких слов, как честь и совесть в лексиконе представителей купеческого сословия просто не существует.

С горечью говорит Кулигин и о том, что купцы и между собой не ладят: «Торговлю другу друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга...». И в этой-то вражде необразованные, неграмотные купцы прибегают к помощи местных продажных чиновников: «залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое потеряно. А те им за малую благостыню на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних». Вот на эти-то распри прижимистые купцы, не способные честно рассчитаться с мужиками за товар, денег не жалеют: «Я, – говорит, – потрачусь, да уж и ему станет в копейку».

В данном монологе Кулигина дается сатирическая картина жизни и нравов калиновцев, поэтому не случайно затхлый и косный мир купечества, основанный на власти денег, зависти, стремлении напакостить своим конкурентам, критик А.Н. Добролюбов назвал «темным царством».

В пьесах А.Н. Островского поставлена и проблема злоупотреблений в государственном аппарате. В «Доходном месте» сатирически изображена жизнь чиновников, где взяточничество и обман считаются чем-то само собой разумеющимся. Молодой чиновник Жадов, пытающийся служить честно, оказывается под таким давлением обстоятельств, что чуть не отступается от своих идеалов. Он видит чиновничий произвол в лице Белогубова, для которого счастье – это брать взятки, чтоб «рука не сфальшивила», жить «в довольстве» и быть «уважаемым» человеком.

Все же в последний момент Жадов находит в себе силы удержаться от преступления и обещает «ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного».

Таким образом, формально добро побеждает. В то же время мир, показанный в пьесе, таков, что всем зрителям было ясно – Жадову придется долго дожидаться перемен в обществе. Не случайно цензура запрещала постановку пьесы, она была поставлена на сцене только в 1863 году.

Произведения Федора Алексеевича Кони (1809–1879) отличались злободневностью и узнаваемостью, пользуясь у современников большой популярностью. Остроумные куплеты были у всех на устах. В водевиле «Петербургские квартиры» он иронически изобразил колоритный образ чиновника Щекоткина, карьера которого полностью зависит от угодничества и взяток. В этой же пьесе представлен образ беспринципного журналиста Задарина, готового за определенную плату на заведомую клевету. Прототипом Задарина стал скандально известный в то время журналист Фаддей Булгарин. Большинство водевилей Кони были пронизаны острой политической сатирой. В них особой критике подвергались существовавшие порядки, взяточничество, самодурство, чинопочитание.

Пороки чиновников не оставили без внимания и баснописцы.

В начале XIX века Иван Андреевич Крылов (1769-1844) посвятил этой теме басню «Лисица и Сурок». Героиня произведения, пребывавшая в курятнике судьей, «выслана за взятки», мчит оттуда во весь опор, но пытается доказать встретившемуся на дороге Сурку, что «терпит напраслину»:

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?»

- Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик-куманек!

Терплю напраслину и выслана за взятки».

Сурок верит неохотно, ибо «видывал частенько», что рыльце у Лисы в пушку. Символичное словосочетание «рыльце в пуху» из этой басни давно стало афоризмом и ироничным определением действий недобропорядочных чиновников и служащих.

И.А. Крылов в «Лисе и Сурке» формулирует «мораль сей басни» так:

«Иной при месте так вздыхает,

Как будто рубль последний доживает.

...А смотришь, помаленьку,

То домик выстроит, то купит деревеньку».

Вороненок (персонаж одноименной басни И.А. Крылова 1811г.) усмотрел, как Орел выхватил из стада ягненка.

«Взманило» это Вороненка,

Да только думает он так: «Уж брать так брать,

А то и когти что марать!

Бывают и Орлы, как видно, плоховаты».

Вороненок решает унести барана. Печальный конец дерзкого и худородного птенца, вздумавшего подражать Орлу, да еще и перещеголять его в воровстве, предрешен. Мораль басни переводит разрешение сюжетной коллизии в чисто

социальную плоскость: «Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют». Как тут не вспомнить знаменитый окрик гоголевского городничего «Не по чину берешь!», которым он осаживает зарвавшегося квартального. «Брать по чину» — первая заповедь чиновного сословия. И в огласовке Крылова она лучше «Табели о рангах» характеризует систему должностной иерархии крепостнической России.

Какой порядок не затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

И.А. Крылов.

Во второй половине XIX века, когда в России начинают активно прокладывать железные дороги, получение концессий на это строительство становится самым взяточником. «Каждый подрядчик имел тайного или явного высокопоставленного акционера, лоббирующего в Зимнем дворце интересы своего «наперсника». Для братьев Башмаковых — это министр внутренних дел граф Валуев и брат императрицы герцог Гессенский, для Дервиза и Мекка — министр двора граф Адлерберг, для Ефимовича — фаворитка государя княжна Долгорукая. И хотя формально на конкурсах оценивали предлагаемую стоимость версты железнодорожного пути, проработанность проекта, опытность инженера и подрядчиков, фактически шел конкурс влиятельных покровителей».

Мздоимствовать не гнушаются самые высокопоставленные вельможи. К шефу жандармов графу Шувалову обращается великий князь Николай Николаевич с просьбой устроить так, чтобы на слушаниях в кабинете министров некая железнодорожная концессия досталась определенному лицу. На вопрос, почему его высочеству охота касаться подобных дел, князь отвечает: «...Если комитет выскажет в пользу моих *proteges*, то я получу 200 тысяч рублей; можно ли пренебрегать такой суммой, когда мне хоть в петлю лезть от долгов».

Например, с появлением железнодорожной станции в Грозном в 1893 году также связана история, которая весьмаозвучна с темой коррупции. В 1892 году железнодорожные инженеры обратились с просьбой о выделении городской земли для строительства станции и депо к городскому голове Куликову. Тот выставил астрономическую цену — 60 рублей за квадратный сажень земли. Тогда железнодорожники обратились к казакам из прилегающей к городу станицы Грозненской, и те выделили под станцию и депо земли станицы. Так городской вокзал оказался вне пределов города. А станичники получили огромные барыши благодаря продаже земель под нефтеперегонные заводы, которые стали активно строиться вокруг станции.

Судя по повести Николая Георгиевича Гарина-Михайловского (1852-1906) «Инженеры», действие которой происходит во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, интенданты и в такие времена оставались коррупционерами. Для главного героя, инженера-путейца Карташева, который работает на строительстве

железной дороги в Бендерах, «самым неприятным... были сношения с интендантством». Его дядя поясняет, что интенданттов нужно «кормить и поить, сколько захотят» и давать им «откаты»: «за каждую подводу, за соответственное количество дней они тебе будут выдавать квитанцию, причем в их пользу они удерживают с каждой подводы по два рубля... Будет у тебя квитанция, скажем, на десять тысяч рублей, ты и распишешься, что получил десять, а получишь восемь». Ведь если «дают цену хорошую, отделить два рубля можно, а не отделишь — все дело погибнет».

Другие взяточники тоже особенно не стесняются: один инженер на глазах у Карташева дает взятку полиции, поясняя: «Сказал, что будем строить дорогу, что полиция будет получать от нас, что ему будем платить по двадцать пять рублей в месяц, а за особые происшествия отдельно...». Полицейскому этого мало: «А когда будете брать справочные цены, это как будет считаться — особо?» Пришлось его разочаровать: «Справочные цены только у военных инженеров да в водяном и шоссейном департаментах».

Использовалась коррупция и для рейдерства. О схемах захвата бизнеса середины позапрошлого века с использованием «административного ресурса» рассказывает роман Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852-1912) «Приваловские миллионы» 1883 года. Богатый уральский золотопромышленник, владелец Шатровских заводов Александр Привалов после смерти жены ударился в загул и женился на примадонне цыганского хора, которая недолго хранила ему верность, а, будучи разоблаченной, убила мужа. Сыну Привалова Сергею — главному герою — в это время исполнилось всего восемь. Цыганка вышла замуж за любовника, который сделался опекуном над малолетними наследниками. За пять лет он «спустил последние капиталы, которые оставались после Привалова» и «чуть было не пустил все заводы с молотка».

Но за юных наследников энергично заступается друг семьи и честный промышленник Бахарев, и опекун «вынужден ограничиться заладом в банк несуществующего металла»: «Сначала закладывалась черная болванка, затем первый передел из нее и, наконец, окончательно выделанное сортовое железо». Эта ловкая комбинация дала целый миллион, но в скором времени история раскрылась, организатор аферы попал под суд.

Долги опекуна-афериста переводятся на наследство опекаемых, а заводы переходят под госопеку. Бизнес прибылен, но жулик-управляющий «в один год нахлопал на заводы новый миллионный долг». Когда совершенолетний Сергей Привалов начинает разбираться с заводами, эти два долга с процентами составляют уже около четырех миллионов. Первое и важнейшее условие успешного рейдерского захвата обеспечено — актив обложен долгами.

Какое-то время заводами управляет Бахарев, они начинают приносить до 400 тысяч рублей годового дохода, а потом все идет по-старому: у руля Половодов — управленец, думающий лишь о собственном кармане. По его отчету, «дивиденда»

всего 70 тысяч, да и эти цифры завышены. Из них нужно исключить 20 тысяч за продажу металла, оставшегося после Бахарева, 15 тысяч земского налога, которые Половодов и не думал вносить. Итого остается всего 35 тысяч. Далее Половодову в качестве поверенного причитается 5% с чистого дохода: это составит три с половиной тысячи, а он забрал целых десять.

Составляется докладная записка губернатору, авторы которой «не пожалели красок для описания подвигов Половодова». Губернатор поначалу круто поворачивает дело, и Половодова отстраняют. Появляется надежда привлечь его к уголовной ответственности за мошенничество, но победа длится недолго: вскоре Половодов снова восстановлен в своих полномочиях, а губернатор принимает Привалова довольно сухо: «какая-то искусная канцелярская рука успела уже «поставить дело» по-своему». Стоит героических усилий еще раз убедить губернатора в необходимости принять меры для ограждения интересов наследников заводов. «Двухнедельные хлопоты по всевозможным канцелярским мытарствам» приводят к новому отстранению Половодова от должности, но он успевает вынуть из заводов большую сумму: «у него в кармане голеньких триста тысяч...».

Ситуация с выплатой долгов отягчается, но все было бы поправимо, управляй Шатровскими заводами сам хозяин, ведь ему нет смысла красть у себя. До этого, однако, не допускают. Заводы по-прежнему формально находятся под госопекой, и государство единоличным решением выставляет их на конкурс и продает в счет покрытия долга. Купила их «какая-то компания», « заводы пошли по цене казенного долга, а наследникам отступных, кажется, тысяч сорок...». «Компания приобрела заводы с рассрочкой платежа на тридцать семь лет, то есть немного больше, чем даром. Кажется, вся эта компания — подставное лицо, служащее прикрытием ловкой чиновничьей аферы».

И все это при том, что в правление Александра II (1855-1881 годы) антикоррупционная политика была ужесточена. Начали публиковать данные о состоянии имущества чиновников, причем в него включалось имущество, записанное на жену. Запрет занимать государственные должности распространялся и на детей чиновников-дворян, уличенных в коррупции. Дальше — больше. При Александре III (1881-1894 годы) были введены новые запреты для чиновников, соответствовавшие духу времени: на членство в правлениях частных акционерных обществ, на получение самим чиновником комиссии при размещении государственного займа и прочее. Борьба с коррупцией продолжалась...

Рассказ Антона Павловича Чехова (1860-1904) «Справка» отражает коррупцию среди чиновников и ее влияние на обычных людей. В этом рассказе писатель решил обличить суть некоторых мелких чиновников. С помощью иронии и комических приемов Чехов заставляет читателя испытывать презрение к чиновнику. Даже имея лишь небольшую власть, он желает получить выгоду. Причем, персонаж из рассказа отказывается делать не дополнительную работу, а выполнять свою прямую обязанность — выдачу справки.

«Полдень. Помещик Волдырев приходит к чиновнику получить справку. Однако, тот не обращает на него никакого внимания и продолжает заниматься своими делами. Смекнув в чем, дело, Волдырев кладет на книжку рублевую купюру. Служащий забирает ее, но продолжает молчать. Далее, помещик дает еще один рубль. Чиновник всеравно не обращает внимания на Волдырева и продолжает писать. Посетитель вовсе разочаровавшись, отходит от стола к центру комнаты. Увидев его беспомощное лицо, к нему подходит швейцар, который советует дать еще рубль чиновнику. После получения третьего рубля, служащий наконец заговаривает с Волдыревым и проявляет жаркий интерес к работе. Он дает справку и делает копию. Получив то, чего он требовал, посетитель напоследок вытаскивает рубль и передает служащему. Затем помещик выходит на улицу и произносит: «Ну, люди...».

Вызывает удивление и способ, которым он призывает дать взятку – бойкот. Чиновник начинает работать только если ему выложат 3 рубля. На меньшее он не согласен. Это напоминает принцип работы терминала или телефонной будки. Стоит отметить и последствия действий данного чиновника. А точнее, то, что Волдырев (посетитель) даже после получения справки машинально дает еще рубль. Так, через Волдырева Чехов хочет показать, что обычные люди, знающие ситуацию, уже начинают привыкать к данному произволу. Они вынуждены мириться с коррупцией и терять деньги, там, где этого в принципе не должно быть.

В рассказе «Толстый и тонкий» Чехов показал, что таким порокам как раболепство и притворство подвержены даже старые друзья. У героев рассказа «толстого» и «тонкого» завязывается разговор. Тонкий Порфирий, не скромничая, хвастается собой, своей женой и сыном. Он пустился в воспоминания, затем стал выкладывать новости о себе, о том, что произошло в его жизни со времени окончания школы. Сын Порфирия, которого представили Михаилу, не сразу снял фуражку, чтобы поприветствовать приятеля отца, а только немного подумав (оценив, не ниже ли чин толстого чина его отца).

Михаил был действительно заинтересован жизнью Порфирия, расспрашивал его, радовался встрече. Сам Порфирий ведет себя раскованно и непринужденно. Но когда тонкий узнает, что Михаил – тайный советник и имеет две звезды, то эта непринужденность улетучивается. Он съеживается и начинает вести себя подобострастно, называет старого друга «ваше превосходительство». Михаилу такое поведение противно и непонятно. Он ведь разговаривал с Порфирием как со старым другом, а стоило сказать свой чин, так он сразу унижается перед ним. Толстый пытается возразить тонкому: «К чему тут это чинопочтание?». Но тонкий лишь противно хихикает. Тогда Михаил отвернулся от Порфирия и подал на прощание руку.

Тему чинопочтания может продолжить рассказ «Смерть чиновника». Писатель показал, как мелкий чиновник Червяков, фамилия чиновника говорит сама за себя, подчеркивая приниженнность экзекутора, находясь в униженном положении, не только не стремится выйти из него, но сам провозглашает рабское поведение, что и стало предметом осмеяния в рассказе.

Тема хамелеонства является основной в юмористическом рассказе А.П. Чехова «Хамелеон» и дана через забавное описание небольшого недоразумения, произошедшего на базарной площади в один из рыночных дней. Писатель от души смеется над людьми, меняющими свою точку зрения в зависимости от обстоятельств. Тема хамелеонства показана не только в изображенной юмористической ситуации, но и раскрывается через речь персонажей. Хамелеонство Очумелова свидетельствует о продажности полицейских, их зависимости от сильных мира сего. Свысока относясь к своим подчиненным, герой готов сам пресмыкаться перед людьми, обладающими властью, деньгами.

В XX веке тема взяточничества находит выражение в творчестве Александра Исаевича Солженицына (1918-2008): «Государственная служба – это осыпающее нас расположение высших лиц и еще более приятных денег, иногда и сверх жалования. Если уметь...», «И давали волю остроумию, особенно о казнокрадстве, о чиновничьей продажности: слишком поздно увидел объявление «принимают от трех до пяти», эх, а я, дурак, дал десять! Или – как нужно понимать секретарей и младших чиновников: «мало данных», «придется доложить начальству», «надо ждать» или «надо ж дать», а также в произведениях «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, «Слабая тара» М. Зощенко, «Город Градов» А. Платонова, «Дефицит» М. Жванецкого.

В советское время о коррупции говорилось меньше; конечно, она существовала, но не в таком виде, как теперь. Крупные советские чиновники жили на всем казенном – жилье, мебель, машина, дача, прислуга, потому своим местом сильно дорожили, взятки брать боялись. Боялись, но все-таки брали. Как говорил Михаил Михайлович Зощенко (1894-1958) – мастер слова, который в пух и прах разбивал взяточников, воров, разномастное жулье и просто не очень честных людей: «Воровство, милые мои, это – цельная и огромная наука. В наше время, сами понимаете, ничего не сопрешь так вот, здорово живешь. В наше время громадная фантазия требуется.

Главная причина – публика очень осторожная стала. Публика такая, что всегда стоит на страже своих интересов. Одним словом, вот как бережет свое имущество. Пуще глаза. Глаз, говорят, всегда по страховке восстановить можно. Имущество же никоим образом при нашей бедности не вернешь. И это действительно верно. По этой причине вор нынче пошел очень башковитый, с особым умозрением и с выдающейся фантазией. Иначе ему с таким народом не прокормиться. Кто больше спер, тот и царь».

М.Зощенко делает коррумпированность многих слоев населения заглавной темой своего рассказа «Слабая тара». Там он описывает случай на вокзале: большая очередь к будке для приема груза, весовщик, такой в высшей степени благородный служащий, проверяет вес тары и при необходимости просит укрепить ее. При всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он соблюдает интересы граждан и государства. Ну, не каждому, но через два – три человека он обязательно отказывает груз принимать. Чуть расхлябанная тара, – он ее не берет. Хотя видать, что сочувствуешь.

Настает очередь рабочего оптического завода, везущего партию оптики. Оказывается, что у него, как, впрочем, и у всех, «слабая тара». Этот факт очень сильно смущил рабочего, ведь ящики государственные и обратно везти их он не может. Тогда он решает дать взятку, но это тут же пресекают и обругивают, хотя и разрешают подойти к другому рабочему и укрепить, «поскольку это государственные ящики».

Казалось бы, причем тут коррупция и взяточничество? Рабочие показали себя с лучшей стороны и с благородством отвергли предлагаемые им деньги. Но дальше раскрывается их истинное обличие. «И, покуда до меня не дошла очередь, я подхожу к рабочему и прошу его на всякий случай укрепить мою сомнительную тару. Он спрашивает с меня восемь рублей. Я говорю:

—Что вы, говорю, обалдели, восемь рублей брать за три гвоздя.

Он мне говорит интимным голосом:

— Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но говорит, войдите в мое пиковое положение — мне же надо делиться вот с этим крокодилом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

—Стало быть, — я говорю, — вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе».

Это, собственно, и показывает всю сущность российской коррупции: вроде бы и «рыльца в пушку» ни у кого нет, но маленький «презентик» лучше все-таки организовать, чтобы дело лучше спорилось.

Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930), известный своей нетерпимостью к разного рода «дряни», не мог остаться в стороне и отмечал, что «еще очень много разных мерзавцев ходят по нашей стране и вокруг». Большое значение Маяковский придавал своим сатирическим произведениям, в которых обличал «целую ленту типов»: бюрократов, лодырей, пьяниц, обывателей.

Проблеме взяточничества поэт посвятил стихотворение, которое так и называется — «Взяточники». В нем Маяковский со свойственным ему максимализмом клеймит взяточничество, называя взяточника «мерзавцем» и говоря, что он «хуже любого врага».

...везде

у него

по лазутчику.

Он знает,

кому подставить ножку

и где

иметь заручку.

Каждый на месте:

невеста —

в тресте,

кум —
в Гум,
брат —
в наркомат....

Он специалист,
но особого рода:
он

в слове
мистику стер.

Он понял буквально
«братство народов»
как счастье братьев,
теть
и сестер.

Он думает:
как сократить ему штаты?

У Кэт
не глаза, а уги...
А может быть,
место
оставить для Наты?

У Наты формы окружлей.

Жесткий стиль Маяковского, прослеживаемый и в других его произведениях, по отношению к взяточникам приобретает и особый ироничный характер, когда речь заходит о пороках чиновников. Поэтому ряд продолжает еще одно произведение Маяковского, посвященное плодам коррупции – взяткам: «Внимательное отношение к взяточникам»:

Прихожу и выплакиваю все мои просьбы,
приникши щекою к светлому кителю.

Думает чиновник: «Эх, удалось бы!
Этак на двести птичку вытеплю».
Сколько раз под сень чиновник,
приносил обиды им.

«Эх, удалось бы, - думает чиновник, -
этак на триста бабочку выдоим».
Я знаю, надо и двести и триста вам -
взьмут, все равно, не те, так эти;
и руганью ни одного не обижу пристава:
может быть, у пристава дети...»

«Берите, милые, берите, чего там!
Вы наши отцы, а мы ваши дети.

От холода не попадая зубом на зуб,
станем голые под голые небеса.
Берите, милые! Но только сразу,
Чтоб об этом больше никогда не писать».

Маяковский использует такой прием, как гротеск: согласно его словам, взяточники воруют чуть ли не все подряд. Чувствуется сарказм: Маяковский просит взяточников присвоить все, что можно, за один раз, чтобы поэту больше не приходилось о них писать: «Взломайте шкатулы, сундуки и ларчики, берите деньги и драгоценности мамашин, чтобы последний мальчишка в потненьком кулачике зажал сбереженный рубль бумажный».

Имя одного из героев книги И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Корейко, скромного служащего ничем не примечательного учреждения и одновременно подпольного миллионера, сколотившего состояние на теневых незаконных махинациях, до сих пор является нарицательным.

В годы «застоя» оказание разного рода услуг, продвижение по службе шло по принципу «ты мне – я тебе». Более всего взяточничеству была подвержена сфера торговли, особенно в период дефицита нужные вещи приобретались «по блату».

Но с середины 80-х годов, с приходом к власти демократов и обретением свободы, более напоминающей анархию, взяточничество, коррупция охватила все слои общества и тем самым стала угрожать нормальному развитию государства. Здесь уместно упомянуть книгу писателя Геры Фотича «Генералы песчаных карьер» – роман, обличающий коррупцию и мздоимство в правоохранительных органах. Имеются в виду не карьеры по добыче песка, а служебные карьеры.

Жизнь современных генералов-силовиков всегда была покрыта мраком для обычных людей. Они кажутся некими небожителями, возникающими ниоткуда и пропадающими в никуда. Но между этими двумя пунктами у них проходит целая жизнь, в которой есть место всему, чем их наделила природа и родители, чем они дорожат и что ненавидят. Что выберут они для себя – каждый решает сам!

Роман хорошо выстроен композиционно. Деловая встреча милицейских генералов в бане – и от нее, словно лучи, расходятся истории судеб всех участников – разные, но одинаково увлекательные и драматичные. Чрезвычайно интересны реалии милицейской службы самых разных направлений – транспорт, таможня, уголовной розыск, отдел собственной безопасности – и Фотич знает их досконально, передает ярко и образно. Довольно подробно и убедительно показана и домашняя жизнь героев – именно в ней, порой, кроется причина морального краха, а иногда наоборот – именно близкие служат герою последней моральной опорой.

Автор пишет о коррупции в органах МВД, зная досконально эту «кухню» изнутри, не понаслышке. Сначала – про возможности уголовного розыска получать «левые доходы»: «Уголовный розыск всегда отличался сплоченностью потому, что там нечего было делить, кроме проблем и забот. Теперь есть что делить! Деньги

высасывают отовсюду. Возврат угонных машин. Крышевание игорных мошенников. Прикрытие сутенерских проституток. Сбор дани с гастарбайтеров. По заказу прессуют конкурентов».

Далее – про использование труда заключенных в колониях: «Зоны уже давно превратились в Клондайк для обогащения руководителей высшего звена, которые организовывают там мебельные производства, швейные фабрики, сувенирные мастерские. Производя все за копейки, а продавая на рынке наравне с другими товарами. Да и налоги не платят».

Много в книге говорится и о продаже должностей, на которых можно обогащаться за счет взяток. И вот главный герой произведения размышляет о том, почему коррупция в России непобедима: «Только на совещаниях силовиков в Москве периодически звучала тема борьбы с коррупцией. На самом деле все понимали, что борьбы с ней быть не может исходя из самой ее сути. Поскольку для этого надо, чтобы каждый руководитель посадил себя в тюрьму, назначил себе срок и конфисковал свое имущество, в большинстве своем нажитое преступным путем, а затем принялся за своих родственников. А поскольку этого никогда не будет, то нужно делать вид и жертвовать наиболее заевшимися или ставшими неугодными членами круговой поруки».

Сатирические посвящения взятке писали и многие современные поэты. Вот, например, стихотворение Н. Ермолаева «О взятке»:

Взятку надо уважать,
Взятку надо узаконить,
Никого не обижать,
Надо всех нам успокоить.
Ведь дает, кто имеет,
Кто не имеет, не дает,
Берет тот, кто власть имеет,
Кто не имеет, не берет.
С взяткой нужно нам смириться,
и не нужно все вскрывать,
На мораль же не ссылаться,
Тихо, мирно могут брать.
Ведь у неимущих не убудет:
Им же нечего терять,
И давать они не будут:
Им же нечего давать.
Могут лишь о том мечтать,
Когда все богаты будут
Взятки будут всем давать.

Нельзя не согласиться с мнением Л. Серого, высказанным в стихотворении «Про взятки»:

В борьбе со взятками иные предлагают
Всерьез наказывать и строго осуждать.
Только не тех, кто эти взятки вымогает,
А тех, кого насильно вынудили «дать».
Согласен полностью!! Когда совсем не станет
Всех, кто тревожит слух чиновника мольбой,
Глядишь, проклятая коррупция завянет
И, постепенно, отомрет сама собой.

Неизвестный автор, обращаясь к взяточникам, просит:
Неужели о взятках писать поэтам!
Дорогие, нам некогда. Нельзя так.
Вы, которые взяточники,
Хотя бы поэтому,
Не надо, не берите взяток.

Андрей Буриличев пророчит наказание всем мздоимцам:
Прежде чем взять, подумай, дружок:
Жертвуешь чем ты заденег мешок?
Хочешь ты бабок слегка прихватить?
Помни! Придется за все заплатить!

В другом стихотворении Символоков Валерий осуждает коррупцию и призывает вспомнить о чести:
Коррупция во власти – стяжательство и мзда.
Коррупция во власти – продажная среда.
Коррупция во власти – преступная орда.
Берегите честь!
Берегите честь!!
Берегите честь!!! Господа.

Примерами зарубежных произведений, посвященных коррупционным темам, могут послужить такие книги, как «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, «Венецианский купец», «Мера за меру» У. Шекспира, «Божественная комедия» А. Данте. Так, еще семь веков тому назад Данте поместил коррупционеров в самые темные и глубокие круги ада.

Можно отметить произведения, в основу которых легли реальные истории и факты, такие как: «Враги общества» Брайана Барроу, «Список Шиндлера» Томаса Кенелли и другие. Но если в первом произведении коррупция выступает как рычаг управления полиции гангстерскими синдикатами, которые регулярно делали соответствующие «взносы», то во втором взятки и подарки высшим чинам фашистской Германии делались Шиндлером для спасения своей небольшой еврейской «автономии», размещавшейся у него на заводе.

Таким образом, проблема коррупции волновала передовую общественность всегда. Авторы высмеивали пороки мелких чиновников, обвиняя их в малодушии и

притворстве перед вышестоящими лицами, и ужасались чудовищностью морального падения крупных махинаторов, ставящих деньги превыше личностных ценностей. Сего дняшнее правительство, как и правители прошлых эпох, пытается противостоять этой заразе, но пока в массовом сознании коррупция будет восприниматься как нормальное и неизбежное явление, ничего не изменится.

Самая сложная задача – изменение менталитета общества. Здесь важно разрушить представление большей части населения страны о том, что коррупция вечна. Ведь оно образно подтверждается мыслью-афоризмом М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют».

Ясно, что корень всех зол не только в произволе чиновников, но и в нравственной позиции обычных граждан, которые и преподносят эти взятки. Люди, обвиняя чиновничество, забывают, что именно они и являются катализатором всех процессов в обществе, как положительных, так и отрицательных.

Пока взятки будут предлагать, их будут брать, какие бы суровые наказания за это ни грозили. Единственным возможным методом борьбы с коррупцией является своеобразный пересмотр моральных ценностей общества. «С людьми живи в мире, а с пороками – сражайся», – гласит латинская пословица.

В своих произведениях, используя разные художественные средства, русские писатели пытались воздействовать на читателей, пытались привлечь их внимание к этой проблеме, разбудить гражданское сознание, чтобы что-то изменить. Задача каждого – прислушаться к их тревожному голосу, ведь именно от нас зависит будущее страны. Сможем ли мы общими силами разорвать порочный заколдованный круг взяточничества, воровства, злоупотребления своим служебным положением, выйдет ли Россия из тени такого страшного явления, как коррупция? Вопрос этот – пока чисто риторический и нам есть, над чем задуматься...

И все-таки хочется надеяться, что не прав был мудрец Салтыков-Щедрин, когда говорил: «...и некоторые люди полагают, что взятки когда-нибудь прекратятся, то полагают это от легкомыслия».

ИСТОЧНИКИ:

- А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву», Д. И. Фонвизин «Недоросль» в изложении для школьников с приложением лучших сочинений. – Минск : Современный литератор, 2003. – 192 с.
- Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты ; Инженеры : повести / Н. Г. Гарин-Михайловский. – Ленинград : Художественная литература, 1988. – 480 с.
- Гоголь Н. В. Ревизор / Н. В. Гоголь. – Москва : Мартин, 2017. – 168 с.
- Гоголь Н. В. Мертвые души : поэма / Н. В. Гоголь. – Москва : Олма Медиа Групп, 2016. – 448 с.
- Грибоедов А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов. – Москва : Эксмо, 2006. – 464 с.
- Зощенко М. Избранное / М. Зощенко. – Москва : Эксмо-Пресс, 1999. – 216 с.
- Книги против коррупции (по произведениям русских и советских классиков) // Научная библиотека Владимирского Государственного Университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых : [сайт]. – URL: library.vlsu.ru/files/8102018.docx (дата обращения: 18.03.2020).
- Кони Ф. А. Избранное / Ф. А. Кони. – Москва : Советская Россия, 1989. – 116 с.
- Крылов И. А. Басни / И. А. Крылов. – Москва : Эксмо, 2018. – 288 с.
- Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 5 т. Т.2. Овцебык. Житие одной бабы. Леди Макбет Мценского уезда. Воительница. Смех и горе : повести и рассказы / Н. С. Лесков. – Москва : Правда, 1981. – 508 с.
- Литвяк Л. Г. Взятка в художественной литературе / Л. Г. Литвяк // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 1. – С. 96-100. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzyatka-v-hudozhestvennoy-literature/viewer> (дата обращения: 19.03.2020).
- Лихолетов В. В., Зеленченкова К. Отражение проблем борьбы с коррупцией в творчестве русских поэтов и писателей / В. В. Лихолетов, К. Зеленченкова // Управление инвестициями и инновациями. – 2016. – № 1. – С. 39-48.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Москва : Художественная литература, 1986. – 526 с.
- Маяковский В. Стихотворения и поэмы / В. Маяковский. – Москва : Детская литература, 2017. – 115 с.

- Медведева Л. Эпизоды коррупции на страницах литературы / Л. Медведева // Педсовет :[сайт].—URL: <https://pedsovet.org/publikatsii/literatura/epizody-korruptsii-na-stranitsah-literatury> (дата обращения: 13.11.2019).
- Некрасов Н. А. Избранное / Н. А. Некрасов. – Москва : Художественная литература, 1975. – 512 с.
- Островский А. Н. Гроза и другие пьесы / А. Н. Островский. – Москва : Азбука, 2015. – 352 с.
- Островский А. Н. Доходное место : пьесы / А. Н. Островский. – Москва : АСТ, 2011. – 416 с.
- Писемский А. Ф. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Люди сороковых годов / А. Ф. Писемский. – Москва : Художественная литература, 1983. – 319 с.
- Пушкин А. С. Дубровский. Повести Белкина / А. С. Пушкин. – Москва : АСТ, 2017. – 222 с.
- Румянцева А. Отражение явления коррупции в русской художественной литературе / А. Румянцева // Молодой ученый. – 2016. – № 17.1. – С. 116-117.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Сатирические романы и сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Московский рабочий, 1987. – 512 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Я люблю Россию до боли сердечной : сборник / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 384 с.
- Сидорчик А. Крепость русского духа. Как генерал Ермолов основал Грозный / А. Сидорчик // Аргументы и факты. – 21.06.2013. – URL: https://aif.ru/society/history/krepost_russkogo_duha_kak_general_ermolov_osnoval_groznnyy (дата обращения: 19.03.2020).
- Фотич Г. Генералы песчаных карьер / Г. Фотич. – Москва : Скифия, 2010. – 336 с.
- Чехов А. П. Толстый и тонкий : повести и рассказы / А. П. Чехов. – Москва : Художественная литература, 1979. – 352 с.
- Чиркова Е. Коррупция в классическом исполнении. Мздоимство и казнокрадство в произведениях русских писателей / Е. Чиркова. // Коммерсантъ Деньги. – 2016. – № 50. – С. 29.